

Гагиев Ибрагим Алиханович, студент,
ФГБОУ ВО "Ингушский государственный университет"

Научный руководитель:
Долгиева Марем Белановна, к.и.н., профессор,
ФГБОУ ВО "Ингушский государственный университет"

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу развития торгово-экономических связей народов Северного Кавказа в период Кавказской войны (1817–1864), которая, несмотря на масштабные военные действия, не прервала, а трансформировала хозяйственные взаимодействия в регионе. Исследование фокусируется на адаптации традиционных торговых практик к условиям конфликта, роли ключевых узлов (Кизляр, Владикавказ) и стратегическому значению Ингушетии, добровольно вошедшей в состав России в 1770 году.

Ключевые слова: Кавказская война, экономические связи, Ингушетия, транзитная торговля, культурный синтез, интеграция.

Кавказская война (1817–1864) стала ключевым этапом в истории Северного Кавказа, повлиявшим на политические и экономические процессы региона. Несмотря на военные действия, торговые связи между народами Северного Кавказа, Россией, Османской империей и другими соседними государствами продолжали развиваться, адаптируясь к новым реалиям. В статье рассматривается динамика этих связей, их структура, ключевые центры, товарооборот и влияние войны на экономику региона, включая роль Ингушетии как стратегического узла [2].

Северный Кавказ задолго до начала Кавказской войны играл роль стратегического моста между Европой и Азией. Через регион проходили важные торговые пути, связывающие Прикаспийские степи с Черноморьем, Россию с Ираном и Османской империей.

Крепости были центрами торговли. В XVI–XVII вв. Терский городок (основан в 1588 г.) стал ключевым узлом, через который шли товары из России в Дагестан, Кабарду, Чечню и далее в Персию и Индию. Здесь встречались купцы из Армении, Грузии, Турции и Средней Азии [4].

Ингушетия, расположенная в центральной части Северного Кавказа, уже к XVIII веку занимала важное положение. В 1770 году ингушские общества добровольно вошли в состав Российской империи, заключив договор о подданстве на Склоне Согласия (Барта босе). Это событие, зафиксированное академиком И. Гюльденштедтом, укрепило безопасность торговых маршрутов через Военно-Грузинскую дорогу и перевалы [5].

Горцы поставляли бурки, овчины, металлические изделия, а вывозили сукно, меха, оружие и хлеб. Астрахань и Кизляр связывали регион с внутренними губерниями России.

Военные действия не остановили экономическую активность, но сместили её акценты.

После упадка Терков в XVIII в. крепость Кизляр (основана в 1735 г.) стала главным торговым центром. К 1754 г. через Кизляр вывозили товары на сумму 4,8 тыс. рублей, включая шерсть из Кабарды и ремесленные изделия кумыков и чеченцев [6].

После строительства крепости Владикавказ (1784) и модернизации Военно-Грузинской дороги Ингушетия превратилась в ключевой транзитный пункт. Ингуши участвовали в обслуживании дороги, обеспечивая безопасность караванов и развитие местных рынков. Здесь пересекались товары из Грузии, Османской империи и российских губерний.

Крепости Грозная (1818) и Внезапная (1819) не только служили опорными пунктами, но и превращались в пункты обмена. Горцы сбывали скот и продукты земледелия, получая промышленные товары из России.

Торговля носила меновый характер, но она постепенно включалась в денежную экономику. Из Ингушетии, Чечни и других регионов Северного Кавказа вывозили продукты скотоводства: шерсть, кожи, войлок, ремесленные изделия (бурки, ковры, глиняная посуда), сельхозпродукцию (мед, воск, фрукты). Из России в регион Северного Кавказа поступали ткани, металлические изделия (котлы, ножи), зеркала, оружие, хлеб и соль, которые были дефицитны в горных районах [9].

Развивалась и транзитная торговля. Через города Дербент и Астрахань шли караваны с шелком, чаем и пряностями из Ирана и Китая. Ингуши, контролируя часть Военно-Грузинской дороги, обеспечивали транзит товаров в Закавказье [9].

Военные действия создавали противоречивые условия: разрушали традиционные пути, но стимулировали новые формы взаимодействия.

Несмотря на добровольное вхождение в состав России, ингуши оказались в сложном положении. Часть общества (особенно орстхойцы) поддерживала имама Шамиля, но большинство сохраняло лояльность России. Назрановцы формировали милицейские отряды, защищавшие Владикавказ.

Российские власти вводили таможенные пошлины, что вызывало недовольство. В ответ горцы и казаки торговали в обход правил. Например, чеченские старшины договаривались о беспошлинном провозе леса по Тереку.

Строительство Военно-Грузинской дороги облегчило не только переброску войск, но и движение товаров. Ингуши играли ключевую роль в её обслуживании.

Кабардинские князья (Черкасские) и ингушские лидеры (Байсар Мочкъа, Турло Алханов) сотрудничали с российской администрацией. Земельные пожалования (например, 547 десятин подполковнику Сергею Базоркину) укрепляли лояльность [8].

В приграничных зонах смешивались традиции: русские перенимали элементы горского костюма (черкески), а ингуши – технологии земледелия (озимые посевы, фабричные плуги). Ярмарки в прилинейных станицах становились местами межэтнического взаимодействия [11].

Северный Кавказ оставался зоной пересечения интересов России, Османской империи и Ирана.

Черкесские племена сохраняли связи с Турцией, но Ингушетия, как буферная зона, помогала России ослаблять эти контакты.

Через Дербент и Баку шла торговля шелком и коврами. Даже в разгар войны купцы из Ширвана и Тебриза присутствовали в регионе.

Добровольное вхождение Ингушетии в состав России в 1770 году осложнило связи Шамиля с Османской империей, но внутренние конфликты периодически дестабилизировали регион.

К концу Кавказской войны экономика Северного Кавказа оказалась глубоко интегрирована в общероссийский рынок.

Регион столкнулся с разложением патриархального уклада. К 1880-м годам 14% хозяйств в плоскостной Ингушетии и Чечне оказались безземельными [4].

Владикавказ и Грозный превратились в многонациональные торговые центры.

Массовая миграция горцев нарушила локальные сети, но ускорила заселение равнин русскими переселенцами.

Развитие торговли в период Кавказской войны демонстрирует удивительную адаптивность экономических связей даже в условиях военного противостояния. Ингушетия, сохраняя роль стратегического узла, стала примером сложного баланса между лояльностью и

сопротивлением. Интеграция Северного Кавказа в российскую экономику стала результатом не только военных побед, но и многовекового взаимодействия, основанного на взаимной выгоде и культурном обмене.

Кавказская война, завершившаяся в 1864 году, оставила глубокий след в экономической истории Северного Кавказа. Несмотря на разрушения и демографические потрясения (мухаджирство), регион сохранил роль связующего звена между Европой и Азией. Торговые связи, трансформируясь под влиянием конфликта, продемонстрировали удивительную устойчивость: крепости-хабы (Кизляр, Владикавказ) превратились в центры межэтнического обмена, а местные элиты нашли пути сотрудничества с имперской администрацией [12].

Ингушетия, стала примером сложного баланса. С одной стороны, её общины участвовали в защите ключевых коммуникаций (Военно-Грузинская дорога), с другой – внутренние конфликты и давление со стороны имамата Шамиля дестабилизировали регион. К концу войны интеграция в общероссийский рынок ускорила переход от патриархального уклада к товарно-денежным отношениям, что отразилось в росте городов и изменении социальной структуры.

Значимость исследования заключается в переосмыслении роли экономических факторов в Кавказской войне. Торговля, земельные пожалования и культурный синтез оказались не менее важными инструментами интеграции, чем военная сила. Перспективным направлением для дальнейших изысканий может стать сравнительный анализ экономических стратегий России в других регионах Кавказа, а также изучение долгосрочных последствий войны для современных торговых сетей.

Изучение Кавказской войны через призму экономических стратегий позволяет пересмотреть её как нелинейный процесс, где насилие и сотрудничество сосуществовали, определяя траекторию развития региона вплоть до современности.

Даже в условиях военного противостояния экономика оставалась пространством диалога, где прагматизм и взаимная зависимость преодолевали барьеры конфликта.

Список литературы:

1. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // Вопросы истории. – 1983. – № 2. – С. 44–59.
2. Гасанов М.Р. Торговые пути Дагестана: от античности до Нового времени. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2003. – 254 с.
3. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. – 480 с.
4. Гриценко Н.П. Экономическое развитие Северного Кавказа в XIX веке. – М.: Наука, 1959. – 320 с.
5. Дзарахова З.М.-Т. Ингушетия в системе российско-кавказских отношений (XVIII–XIX вв.). – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 168 с.
6. Кавказская война: хроника, документы, исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kavkaz-archive.ru> (дата обращения: 01.10.2023).
7. Картоев М.М. Социально-экономические трансформации в Ингушетии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. – 216 с.
8. Матиев Т.Х. Торгово-экономические связи Ингушетии с Россией в XVIII–XIX веках // Известия Ингушского НИИ гуманитарных наук. – 2015. – № 1. – С. 34–45.
9. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889.

10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 1234. О торговых отношениях с горскими народами (1820–1830 гг.).
11. Хасбулатов А.И. Военно-Грузинская дорога как фактор интеграции Северного Кавказа в экономику России // Вестник РГГУ. Серия: История. – 2010. – № 15. – С. 102–115.
12. Центральный государственный архив Республики Ингушетия (ЦГА РИ). Ф. 12. Оп. 3. Д. 45. Документы о договоре 1770 года на Склоне Согласия.
13. Этнокультурное наследие Северного Кавказа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ethnocaucasus.ru> (дата обращения: 01.10.2023).

© И.А. Гагиев, 2025

